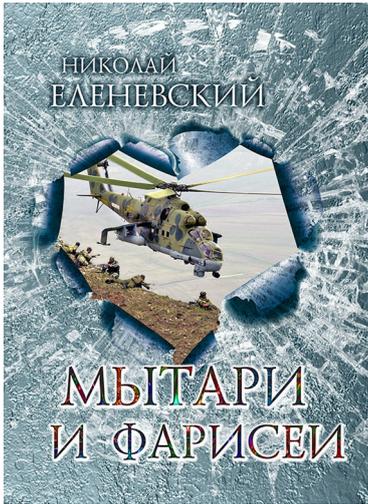

НИКОЛАИ
ЕЛЕНЕВСКИЙ

МЫТАРИ
И ФАРИСЕИ

Николай Еленевский
Мытари и фарисеи

«Четыре четверти»

2016

Еленевский Н. В.

Мытари и фарисеи / Н. В. Еленевский — «Четыре четверти», 2016

Роман о судьбах офицеров Советской армии, выполнявших свой интернациональный долг на афганской земле, а после в далеких гарнизонах, разбросанных по всему бывшему СССР. И как констатация известных горьких фактов многие, самые достойные из них, по праву носившие звание ОФИЦЕРА и любившие Родину, оказались отвергнутыми и забытыми в своей стране.

© Еленевский Н. В., 2016

© Четыре четверти, 2016

Содержание

Часть первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Николай Еленевский Мытари и фарисеи

Родился в д. Лунин Лунинецкого района Брестской области в 1948 году в семье служащего. В 1966 году окончил Лунинскую среднюю школу, в 1969-м Минское училище полиграфистов № 32 по специальности «фотография». Будучи солдатом срочной службы, поступил и окончил факультет журналистики Львовского высшего военно-политического училища с золотой медалью в 1974 году. Более двадцати лет трудился в военной печати. Служил в Вооруженных силах СССР и России. Печатался в разных военных изданиях, а также в белорусских журналах «Нёман», «Маладосць», «Беларуская думка», российских «Наш современник», «Москва», «Воин России», альманахе «Братина», коллективных сборниках.

Работал редактором пинской районной газеты «Полесская правда» (2004–2010 гг.).

Роман-хроника «Время пастыря» признан лучшим произведением о православии в 2007 году и удостоен диплома первой степени Министерства информации и Бело-

русской Православной Церкви. Роман издан отдельной книгой в 2011 году в серии «Библиотека Союза писателей Беларуси». Автор документального сборника «Небесный штурмовик» (2004 г.), романа-хроники «Наперсный крест» (2011 г.), романа «Мытари и фарисеи» (2012 г.).

Лауреат областной литературной премии имени В. Колесника (2011 г.), премии Белорусского союза журналистов (2007 г.) за цикл произведений о нашем современнике. Имеет государственные награды СССР. Награжден нагрудным знаком «Отличник печати Беларуси» (2009 г.).

Член Союза писателей Беларуси и Союза писателей России.

Умер 15 января 2013 года.

Последним офицерам Вооруженных Сил Советского Союза

Часть первая

I

У входа в здание штаба, рядом с огромной жестяной урной для мусора, в специальной рамке под туго натянутой леской висело объявление. Написанное размашисто, красной краской, начальником полкового клуба гвардии капитаном Ерохиным, оно сообщало:

«Сегодня состоится офицерское собрание в поддержку политики, проводимой президентом СССР Михаилом Сергеевичем Горбачевым.

Докладчик – генерал-майор Б. П. Иванников.

Явка обязательна. Начало в 19.00».

Бумажный уголок вылез из-под пружинистой лески и хлопал на легком утреннем ветру: то ли радовался тому, что освободился, то ли стремился закрыться от поднявшегося над горами солнца.

Начальник продовольственной службы гвардии майор Пухляк, никогда не питавший особой симпатии к подобным мероприятиям, которых в последнее время было пруд пруди, взглянул в мою сторону, иронично хмыкнул:

– Опять уши трубочкой. Да сколько можно! У меня квартальный отчет на носу, а у них лапша, как нам будет хорошо и весело жить в связи с завершением очередного этапа перестройки. Поддержим всенародно любимого президента. Бред, да и только. Николай Никитич, а этот генерал, откуда он, что-то раньше я такой фамилии в штабе округа не слышал?

Мне оставалось пожать плечами. В последнее время то генерал депутатом становился, то депутат генералом, вот и разберись, чья фамилия и кто за ней стоит. В маленькой беседке, когда-то выкрашенной в ярко-зеленый цвет, а теперь облупившейся, группа офицеров, прежде чем разойтись по кабинетам, не спеша затягивалась полученными в счет пайка сигаретами и обсуждала судьбу родного гвардейского вертолетного полка. Последние новости в большинстве своем состояли из слухов, а каждая последующая новость рождала этих слухов еще больше.

– На собрании о чем речь будет, опять «ля-ля, бу-бу»?

– Да вот Пухляк чего-нибудь скажет. Пухляк, ты чего расстроился, тебя же начальник политотдела записал выступающим, вот и пройдешься своим логическим мышлением по всем шероховатостям, – в беседке рассмеялись.

Пухляк, не уловив иронии, взвился, как ужаленный:

– Как записал? Я своего согласия на трибуну не давал!

– Ха, тебя спрашивали. Прошлый раз от штаба выступал Исламбеков...

– Да нет, Исламбеков от первой эскадрильи, от штаба майор Пушкарев. Теперь твоя очередь, гвардии майор котлет и консервов.

– Да ну вас, – Пухляк обиженно махнул рукой. – Скажи, Никитич, ну зачем мне все это? Разве у нас мало таких, кому трибуна, как жена родная...

– Чем ближе, тем теплее, – донеслось из беседки.

Мне оставалось его тем утешить, что генералы перед отлетом не особенно любят много говорить, следовательно, собрание пройдет по усеченному формату.

– По какому формату не пройдет, говорить же что-то придется, а так не хочется, народ уже плюется от этой болтовни.

– Вот и скажи об этом!

– Придет время – и скажу. Здесь один знакомый шепнул, что вскоре партию из армии погонят и политотделы вместе с ней. Чувствую, заварушка будет, пожалуй, круче афганской.

– Чудак, нашел с чем сравнивать. Если что и будет, так в порядке реформирования. Без реформы страна армию потеряет. Это однозначно. Афганистан показал, что в этом плане нам есть о чем подумать.

Пухляк улыбнулся:

– Теперь «думалки» в другом направлении работают. Мы еще в академии об этом спорили, между собой, втихую, а теперь можно и гласно, что однопартийная система себя изжила. В Москве так многие считают. Уж если там кому в голову мысль вскочила, так обратно ее не вышибешь. Так что будем готовиться сдавать партбилеты.

– Сдавать или нет, время покажет.

– Это в вас член парткомиссии говорит, а в душе боевого офицера полное со мной согласие.

– Откуда ты знаешь, что в моей душе?

– У вас на лице, как на этой бумаге, – и он кивнул в сторону объявления, – как считаете, пойдет народ?

В прошлый раз офицеров заманили в клуб тем, что Ерохин где-то достал видеокассеты с фильмом «Однажды в Америке». Зал набился битком. Даже пришли офицеры с танкистскими эмблемами. Клубный телевизор пришлось подвешивать к потолку.

Вскоре позвонили из штаба округа, сказали, что собрание надо начать на два часа раньше. Причину объяснять не стали. Она прояснилась, когда начальник политического отдела подполковник Дубяйко по своим каналам узнал, что после собрания генерал Иванников сразу улетал в Москву.

Командир полка подполковник Гаврилов схватился за голову, вызвал к себе начальника штаба подполковника Громова, и вдвоем начали срочно обзванивать командиров эскадрилий. В моем кабинете также раздался телефонный звонок:

– Лунянин, давай сюда и захвати с собой всех, кого можно!

– А кого можно?

– Да не ёрничай ты, я же сказал всех. Приказано собрание на два часа раньше начать.

– А с чего бы это? У меня все оповещены, что на девятнадцать, как теперь их собирать?

Если солдат для массовки, на задние ряды?

На том конце телефона послышалось громкое чертыханье, переросшее в мат, что Гаврилов позволял себе в разговорах со мной крайне редко:

– Какие такие солдаты?! Собрание офицерское!

– Так общее сделай, ты же командир полка! Или не командир?!

– Какое общее, в политуправу уже пошло, что офицерское. Дубяйко на ушах стоит!

Поэтому собирай всех! Это не просьба, это приказ! Ясно?!

– Вполне!

– Вот и выполняй, а я посмотрю, сколько человек из твоей эскадрильи будет.

Полковая суета по поводу собрания быстренько превратилась в полковую беготню. А в итоге собрание перенесли на полчаса позже, потому что в клубе пропало электричество, не работали кондиционеры, молчал микрофон. Пока переносили, молодой генерал Иванников, чтобы не терять времени, попросил собрать в политотдел партийных и комсомольских активистов для личной беседы. Собрали всех, кто попался под руку.

Пока генерал популярно излагал активистам задачи, стоящие перед полком в плане политико-воспитательной работы, политотдельцы вместе с дежурным по части начали искать капитана Ерохина. Подполковник Дубяйко грозился сорвать с Ерохина не только погоны.

– Найдите мне этого разгильдяя! Немедленно! Я оторву ему все, что можно оторвать! Сколько раз говорил, надо убирать его из полка, так нет, Гаврилов уперся: боевой офицер, по ранению летать не может, а так Родине еще послужит. Где послужит? Кем послужит? А надо было под зад ногой, чтобы крылья обрел и улетел подальше. Жалельщиков развелось, – он начал материться, – вот и дожалелись. За срыв такого собрания знаете, что бывает?

Подполковник Громов ухмылялся, другие офицеры штаба сочувствующе качали головой. Начальника политотдела хотя и недолюбливали, но перечить никогда не перечили, дабы не нарваться на неприятность.

Дубяйко постоянно восседал в своем кабинете, дверь в дверь рядом с командирским, встречал каждого входящего с пренебрежительной улыбкой на тонких нервных губах. Был он из молодых, растущих офицеров и давал понять окружающим, что значит быть в такой должности. В полк он попал ко времени, когда мы уже оставляли Кандагар. Месяц какой-то зацепил того, чего нам оказалось с лихвой, но и этого месяца ему хватило, чтобы украсить грудь медалью «За боевые заслуги» и звание подполковника получить досрочно. Офицеры тогда косились на Гаврилова, но он лишь разводил руками, дескать, от меня здесь ничего не зависело. Ушлый Пухляк узнал, что в женах у Дубяйко родственница одного из заместителей командующего Московским военным округом: «Теперь ясно, какие ветры дуют, оранжерейный, из дикорастущих так бы не взлетел», – усмехались те, кто медаль добывал потом и кровью.

А здесь еще в составленном плане работы Ерохин возьми да и сделай перенос фамилии вопреки всем правилам грамматики: «Дуб-яйко» – и принес на утверждение. Дубяйко вначале размашисто вывел подпись, а когда прочел, вскипел:

– Капитан, это что такое? – он тряс стопкой листов перед лицом Ерохина, – что-о, тебя спрашиваю?!

– Ваша фамилия, товарищ подполковник.

– Капитан, я тебе такую фамилию покажу, что ты у меня всех своих предков вспомнишь, – он разорвал план и бросил в мусорную корзину, – сам полетишь в эту урну и не выкарабкаешься! Переделать!

Об этом с легкой руки того же Ерохина стало известно в штабе. В эскадрилье офицеры, увидев начальника клуба, подтрунивали: «Ероха, как твои «дуб» с «яйко» поживают? Смотри, не разбей, дуб покрепче будет».

Дубяйко был годами младше капитана. Но Ерохину с его средним училищем да детдомовским воспитанием на особое продвижение по службе претендовать и не приходилось. Разве что перед увольнением в запас, до которого оставалось менее года, мог получить звание майора. Поначалу он на это надеялся, даже думал, что станет им, куда раньше, еще там, в Кандагаре. И стал бы, окажись на месте Дубяйко иной офицер. Гаврилов же долго уговаривал нового начальника политотдела подписать представление, но тот уперся:

– Родина офицерскими званиями не швыряется, и мой долг коммуниста свидетельствовать об этом. Я даже не знаю, по какому праву он еще в партии.

Капитан Ерохин, опрокинув стакан разведенного кока-колой спирта, сказал:

– И «дуб» гнилой, и «яйко» протухшее...

Нашлись доброхоты, которые донесли об этом начальнику политотдела, тот возненавидел своего подчиненного лютой ненавистью.

Ерохина нашли на чирчикском базаре, где он утолял жажду кумысом и был немного захмелевшим от этого благородного, не значившегося ни в каком реестре алкогольных изделий напитка.

Увидев секретаря парткомиссии майора Сорокина, он радостно воскликнул:

– Давайте-ка сюда, Петрович! И как там в песне народной поется: «Не кочегары мы, не плотники, и сожалений горьких нет, а мы партийные работники, и с высоты вам шлем привет!!» Садись, угощаю! До чего хорош кумыс! Помнится, ты уважал этот напиток.

– Послушай, Ерохин, тебя весь полк ищет! – вскипел Сорокин, которому порядком надоело мотаться в жарком чреве «уазика» по чирчикским забегаловкам, – ты знаешь, что собрание перенесено?!

– Полк, это хорошо, выходит, я полку еще необходим, – добродушно ухмыльнулся Ерохин.

– Какое там хорошо, – Сорокин суетливо забегал туда-сюда перед столом под длинным, отбрасывавшим неглубокую тень парусиновым навесом. На другом конце стола продавец ловко раскачивал бурдюк с кумысом, не позволяя застаиваться и нагреваться, натренированно, даже с видимым шиком наливал полные косушки, при этом ни капли не проливалось на стол, и косушки мигом разбирались посетителями, – ну-ка, быстрее в машину!

– Не будем спешить, сколько на твоих кремлевских?

– Да нисколько! Кондиционеры не работают, микрофон молчит. Ерохин, ты знаешь, что уже сорвал собрание?

– Конечно, знаю, – Ерохин осушил косушку, – эх, до чего хорош напиток, холодненький, а за душу берет! Только дурак не может знать, какая судьба ему уготована, дорогой мой Иван Петрович. Полчаса туда, полчаса сюда, разве для генералов это время? Это для нас с тобой время. Забыл, значит, как я тебя на том проклятом склоне спасал? Ты знал, что мы выживем? Нет! А я знал!! Еще как знал, даже будь иначе, все равно бы полетел. Э-эх, к черту все! Я и сейчас знаю, как в той песне поется: «Капитан, никогда ты не станешь майором!» Вот так вот.

Подъехав к клубу, Сорокин быстренько провел Ерохина через тыльную дверь по узкому темному коридору в комнатку за сценой и приказал:

– Сиди и не высовывайся, а я постараюсь все уладить с Дубяйко.

Электрики уже выяснили причину отключения электричества. Оказалось, что сгорела соединительная муфта на кабеле подачи питания, и в этом никакой вины Ерохина не было. Муфту быстренько заменили. Сержант включил рубильник, загудели кондиционеры, зажглись люстры, засвистел микрофон, ожидавшие генерала офицеры стали занимать места подальше от сцены. На ней для президиума возвышались столы, накрытые тяжелыми красными скатертями, сшитыми женой Ерохина Натальей из отслужившего бархатного сценического занавеса, за что капитан выслушал похвалу от Гаврилова, правда, с добавлением: «Да не тебе, а жене твоей». – «Так ведь вы сами сказали списать и пустить на тряпки, а я вот...» – «Лады, и тебе спасибо».

Как я и предполагал, все пошло тем чередом, который давно устоялся для такого рода мероприятий. Радовало, что генерал Иванников постоянно посматривал на часы. Он снял их с руки и положил перед собой на трибуну. Каждую фразу начинал с чеканного, словно отлитого из металла призыва:

– Товарищи офицеры!

Дальше следовали пропущенные через генеральскую душу слова генерального секретаря компартии товарища Горбачева о том, что обратного пути у нас нет, что только перестройка позволит нам подняться к тем высотам социального благополучия, на которые нацеливает народ наша родная коммунистическая партия.

– Горбачев – наш президент! – Иванников снова громко повторил: – Горбачев – наш президент.

Первые ряды как по команде встали и начали дружно аплодировать и скандировать: «Горбачев – наш президент!» Их поддержали. Довольный Иванников аплодировал вместе со всеми.

– Партия была, есть и будет той силой, которая способна цементировать наши ряды в единый монолит для претворения в жизнь всех намеченных планов. – Генерал потихоньку входил в ораторский транс. – Особая роль в это время принадлежит армейским коммунистам, которые всегда являли собой образец выполнения партийного и воинского долга.

Каждые новые аплодисменты, инициаторами которых были сидевшие в первом ряду партийные активисты, еще больше подхлестывали генерала. «Да, все, как на автопилоте», – шепнул мне Парамыгин. Сколько бы это продолжалось, не выйди на сцену капитан Ерохин, никто не знал, видимо, до самой посадки генерала в самолет. В руках у Ерохина был графин с водой и стакан. Увидев Ерохина, генерал дружески улыбнулся, отодвинулся чуть в сторону, разрешая установить графин на трибуне в подобающем месте. Парамыгин вдруг нервно оглянулся, зябко потер широкие, крепкие ладони: «Эхма, откуда его черт принес?! Да, покатила торба с великого горба...»

Я даже не понял, к чему все это было сказано.

Ерохин графин со стаканом почему-то не ставил, а стоял с ними перед трибуной, слегка пошатываясь, казалось, что он и вовсе раскланивался перед генералом.

– Извините, товарищ генерал, извините. Сейчас, один момент, – он попытался налить воды в стакан, но вода упрямо текла мимо, ему на брюки, на пол.

– Да вы не волнуйтесь, товарищ капитан, не волнуйтесь, – Иванников снова улыбнулся офицеру, – ну, вот видите, все в порядке, ставьте, ставьте.

Ерохин поставил графин, а стакан попытался пододвинуть ближе к генералу. Зал замер, наблюдая за всем происходящим. На лбу у подполковника Гаврилова выступила испарина, и он машинально промокал ее белоснежным носовым платком. Дубяйко уперся взглядом в список выступающих, как будто гипнотизировал, у Громова под кожей забегали желваки, но он сохранял каменное выражение.

В зале заволновались. Это подспудно передалось и генералу, искоса наблюдавшему за сидевшими и за Ерохиным:

– Все, все, вы свободны, капитан, идите! – влетело к нам через микрофон. Но наполненный до края граненый стакан вдруг не послушался подрагивавшей капитанской руки, опрокинулся, и зал охнул. Гаврилов схватился за голову, а Дубяйко даже привстал, еще не осознавая до конца, что происходило. Ерохин же, конфузливо извиняясь, ухватился за трибуну, пытаясь рассмотреть, куда попала вода. Только Громов походил на каменного идола.

– Прямо невезение какое-то, товарищ генерал, вы извините, совсем нечаянно... вот, по жизни прямо невезение, – совсем по-детски бубнил Ерохин.

Генерал хмуро зажевал губами, покачал головой так, словно вколачивал в желто-лаковую доску невидимым молотком невидимый гвоздь.

К трибуне уже торопился перепуганный Сорокин...

II

Плакат упрямо свешивался на одну сторону, и я начал в очередной раз его поправлять, когда в дверь учебного класса постучали:

– Товарищ гвардии подполковник, вас срочно вызывает к себе начальник политотдела! – раскрасневшийся от бега посыльный держал ладонь у краешка панамы, на которой сидела перекошенная на бок красная звездочка с отбитой эмалью.

– Цель вызова?

– Не могу знать, товарищ гвардии подполковник!!

– Не могу знать, не могу знать, а прешь, как танк! – мне не хотелось прерывать только что начатое занятие с молодыми летчиками о пикировании вертолета для точного бомбометания. Еще в Кандагаре опробовал этот метод, разработал его для боевого применения.

– Сообщите дежурному, что вызов получен, я скоро буду. Понятно?

– Так точно, товарищ гвардии подполковник! – солдат лихо повернулся, в окно было видно, как опять бегом заторопился к зданию штаба, до которого от учебного корпуса было с километр.

Дубяйко никогда просто так не вызывал, у него все было срочно. Это срочно могло растягиваться на целые часы по составлению различных планов, проведению собраний. Я подумал, что занятие завершить успею, ведь в конце месяца желательно отработать тему в ходе практических полетов в зону. Но минут через пятнадцать снова прибежал изрядно взмокший посыльный, запыхавшись, поднес руку к панаме:

– Товарищ гвардии подполковник!!..

– Я же сказал: «Вызов получен».

Солдат взмолился:

– Товарищ гвардии подполковник, дежурный сказал, что только вас ожидают!!

– Передай дежурному, что вызов получен! – я почувствовал, что еще мгновение – и сорвусь. Лейтенанты переглядывались и улыбались.

Не успел солдат закрыть дверь, как в класс заскочил капитан с красной повязкой на рукаве:

– Товарищ подполковник!!..

Среди лейтенантов прокатился смешок. Мне и самому стало смешно:

– Что там стряслось, что? – я хлопнул указкой по плакату, который слетел со стойки и плавно приземлился на пол, но взял себя в руки, – штаб горит?

– Командир сказал, что это приказ!

– Иди и доложи, что...

– Товарищ подполковник, Гаврилов сказал без вас не приходите!

В просторном кабинете начальника политотдела Ерохин сидел отдельно, жался в самом уголке и совсем не был похож на того отчаянно смелого офицера-красавца, которому в Афганистане так благоволила удача. Только теперь я заметил, как сильно изменился внешне: обрюзгший, в мятой рубашке, он легонько гладил верх фуражки, которую почему-то держал в руках, словно этим поглаживанием себя успокаивал. Мне стало понятно, почему Дубяйко так захотелось, чтобы и я участвовал в этом заседании.

Члены партийной комиссии, сидевшие за длинным столом, похожим на бильярдный, старались не смотреть на Ерохина. Они вообще старались никуда не смотреть. Даже один на одного. По зеленому сукну лениво ползала толстая муха, постоянная жительница местного базара, случайно попавшая в кабинет с чужими запахами и непривычным для нее холодком. Начальник ТЭЧ полка майор Парамыгин хотел пстрыкнуть по ней пальцем, она мгновенно улетала. Полетав, возвращалась и снова садилась напротив Парамыгина, тщательно чистила передними лапками громадные глаза и чувствовала себя хозяйкой.

Дубяйко, наблюдая за усилиями Парамыгина, раздосадовано произнес:

– Парамыгин, столько окон открытых, так нет, надо сюда залететь, открой дверь, пусть убирается!

– Кто?! – очнулся Парамыгин.

– Муха, а кто же еще! Командира и начальника штаба не будет. Разговор проведем без них.

– А, может, прихлопнем, вон сколько нас!

– Не дури, кому сказано, открой дверь! – но муха упрямо не хотела вылетать.

В политотделе сразу после отъезда Иванникова прошло собрание. На нем политотдельцы рассмотрели персональное дело коммуниста Ерохина и единогласно исключили из партийных рядов.

О том, как принимались решения в политотделе, мне было хорошо известно.

– У нас есть все основания поддержать решение собрания. Вчера мы пережили позор, позор, которого полк еще не знал, – Дубяйко постучал кончиками пальцев по красной папке, – в принципе, я ожидал, что именно этим все и окончится. Но кто меня слушал? Кто?! Выйти пьяным на сцену, и когда? Когда наступает исторический момент в жизни нашего огромного государства! Мы с вами единогласно приняли обращение к Центральному комитету... Еще раз говорю, позор, и таким офицерам, как этот, – он красноречиво указал на Ерохина, – не место в наших рядах.

Заметив мою улыбку, Дубяйко уперся взглядом:

– Неужели кое-кто из членов партийной комиссии считает иначе? – он раздраженно забарабанил по красной папке, и муха восприняла это как сигнал для более тщательного обследования кабинета. Начала описывать круги вдоль стен, увешанных портретами Ленина, Маркса и Энгельса, поочередно присаживаясь на каждом. – Считаю, коммунисты политотдела поступили верно. Вы это прекрасно понимаете и без меня. Так вот, по данному вопросу я хочу персонально знать позицию каждого.

Все понимали, что исключение из партии в последующем означало для Ерохина и увольнение из Вооруженных Сил, поэтому слушали Дубяйко без особого энтузиазма.

– Майор Сорокин, ваше мнение?

Сорокин вздохнул и пожал плечами.

– Да чего вы завздыхали, Иван Петрович, у нас с вами по Ерохину неоднократно был разговор, и вы соглашались, а теперь что? – и Дубяйко раздраженно выкрикнул, – вы посмотрите на него, разве это офицер?! Это наш позор!!

Ерохин перестал поглаживать фуражку, замер, затем начал отстукивать по лакированному козырьку барабанную дробь.

– Вот-вот, он и здесь цирк утраивает! Это из-за таких наша партия теряет авторитет, это... – Дубяйко даже привстал из кресла, – а такие, как ты, Сорокин, этому потворствуют!

Сорокин опять пожал плечами.

– А подполковник Лунянин как думает? Николай Никитич, он ведь начинал свою службу в первой эскадрильи? – вдруг учтиво произнес Дубяйко, и его учтивость вместо привычной нахрапистости мне не понравилась. Поваяло фальшью, неестественностью к тому, что происходило. Офицеры знали наши натянутые отношения, а здесь он вдруг назвал меня по имени-отчеству.

– Да, мы начинали вместе, еще лейтенантами, – я посмотрел начальнику политотдела в глаза, и он сразу отвел взгляд.

– И что?

– Хороший офицер, орденосец.

– Как же этот орденосец умудрился так гвардию опозорить?

– За всю гвардию говорить не надо. В ней тоже всякого по нынешним временам хватает. А если по правде, ничего страшного в том, что произошло, не вижу. Ну, слегка освежил генерала. Вода ведь чистая, без дерьма и запаха.

– Вы, вы... ты, ты, подполковник, ты думай, о чем говоришь?! – Дубяйко постучал себя по лбу, – причем здесь дерьмо и запах! Да так можно договориться знаешь до чего?

Парамыгин ухмыльнулся, посмотрел на меня, покачал головой, пробормотал:

– Да, покатила торба с великого горба... Фарисействуем, братцы, фарисействуем. Были такими, такими и останемся.

– Парамыгин, что у тебя, чем недоволен? – уставился на него Дубяйко.

Парамыгин оторвал взгляд от летавшей мухи:

– Из-за стакана воды ломать судьбу, не дороговато ли для нас?

– О каких «нас» мямлишь, я говорю о партии, о ее авторитете!! – перешел на крик Дубяйко. – Кто еще такого мнения? Здесь не торги, здесь заседание партийной комиссии

отдельного гвардейского вертолетного полка. Офицер пьяным вышел, пьяным, когда такое, – вскочил Дубяйко и покрутил пальцем, словно винтом, – такое мероприятие, в поддержку самого Горбачева. Что о нас подумают в Москве, если туда сигнал проскочит?!!

– Да, иногда стук быстрее доходит, чем звук, – ухмыльнулся Парамыгин, – Москва, она и есть Москва, уж выше некуда! Вот только официального заключения, что он пьяным был, у нас нет. Без него... Сами понимаете...

Разговор явно пошел не по тому руслу, на которое рассчитывал Дубяйко.

– Какое еще заключение, Парамыгин?! Вы что, с ума посходили?! Это что, партийная оценка?!! – он навис над зеленым сукном, словно собрался вынести стол вместе с сидевшими за ним офицерами хоть куда-нибудь, но подальше от своего кабинета. – Партсобрание исключило! Единогласно!! Вы что, коммунистам политотдела не доверяете?! С Луняниным, выходит, спелись. Та-ак!! А как считает подполковник Семенов?

Давно ходивший в замах начальника штаба, вечно угрюмый и чем-то недовольный Семенов, уже видевший себя в новой должности после ухода Громова, развел руками:

– Почему же, коммунистам политотдела мы доверяем. Как не доверять!

– Ну вот, – облегченно вздохнул Дубяйко, считая, что дальше никаких казусов ожидать не придется и он быстренько доложит в политуправление и лично генералу Иванникову о том, что коммунисты полка из всего случившегося сделали верные выводы. Он уселся и привычно расправил плечи.

– Чего мы здесь разошлись, давайте послушаем Ерохина, – внес предложение Парамыгин.

– Чего его слушать, надо выносить вопрос на голосование, а, Сорокин? – Дубяйко хлопнул по красной папке ладонью.

Сорокин согласно кивнул головой. В кабинете наступила тишина. В стекло под мерное гудение кондиционера беззвучно билась одуревшая муха.

– Ерохин, подождите за дверью!

Вместе с вышедшим Ерохиным за дверь вдруг вылетела и муха, чем вызвала грустную улыбку у Парамыгина:

– Суждено уцелеть.

– И здесь не до шуточек, Парамыгин, речь идет о чести полка, о чести советской гвардии.

Дубяйко опять куда-то понесло. В Кандагаре он умудрился наломать дров, когда не дал справить свадьбу старшему лейтенанту Горупе и молоденькой медсестре из Кабульского госпиталя. Доказывая всем и везде, что советские воины посланы руководством страны в Афганистан не для свадебных застолий. Медсестру срочно отправили по месту прежней работы, а Горупа сказал, что он этого никогда Дубяйко не простит. Пришлось и ему искать иное место службы.

– А, может, детально поговорим о судьбе офицера, с которым мы прошли огонь, воду и медные трубы? – предложил я.

– Послушайте, Лунянин, вы со своими медными трубами обождете, а этот офицер должен был сам позаботиться о своей судьбе.

– У него же семья, дети.

– А что, у меня нет семьи, нет детей?! У каждого из нас семьи! Вот пусть и объясняет своим, почему мы, его боевые товарищи, так поступили.

– Уже записался в боевые товарищи, – наклонился ко мне Парамыгин, – асфальтовый каток ему товарищ.

– Знаете, я против! Прав Парамыгин, нет у нас доказательств, что он был пьян. Надо провести расследование...

– Вы что, Лунянин, против партии?

– ...против скоропалительного решения политотдела.

– Политотдел и партия – это одно целое, Сорокин, ставь на голосование! И учтите, Лунянин, ваша позиция мне непонятна и будет весьма неоднозначно воспринята там.

Где там, Дубяйко разъяснять не стал, взглянул на часы: через десять минут у него истек срок, установленный политуправлением для доклада генералу Иванникову.

Я и Парамыгин голосовали против. К общему удивлению, подполковник Семенов оказался среди воздержавшихся. Когда-то на такой же парткомиссии мы спасали его от строгого партийного выговора: он развелся с женой, распутной бабенкой. Его Светуня после развода обобрала Семенова до нитки: что могла, распродала, а остальное загрузила в контейнеры, укатила в Ленинград. У Семенова не было детей, и это тогда смягчило его вину за то, что не сберег семью. Он же трясущимися руками тогда благодарил меня с Парамыгиным: «Спасибо, хлопцы, спасибо!!» – «Так ведь все равно теперь в вечных замах ходить будешь», – говорили мы, имея в виду, что Семенов уже давно котировался на должность начальника штаба полка и мог бы занять ее. «Пусть в замах, но зато остался в армии».

Теперь же Дубяйко взглянул на Семенова, презрительно хмыкнул:

– Вы же сказали, что коммунисты политотдела поступили правильно, а не голосуете за эту правильность. Что-то у вас жизненные ориентиры скачут-прыгают. Или передумаете? Смотрите...

Семенов усердно тер непослушными ватными пальцами зеленое сукно и молчал.

III

– Николай, палатку будем брать или обойдемся и без нее? – жена упаковывала в багажник «зубила», так народ прозвал восьмую модель «Жигулей», сумки со снедью, водой, скатерть, запасную одежду, – я бы взяла, так, на крайний случай... Погода, она в горах непредсказуема.

– Исламбеков заверил, что они возьмут, – и я успокоил не в меру разошедшихся детей, с визгом носившихся вокруг машины в предвкушении субботней поездки на природу. Последние несколько суббот в нарушение всех наших традиций мы никуда не выезжали. Полк готовился к учению, которое проводилось по плану штаба округа, и Гаврилов весь изнервничался, извелся: «Лунянин, ты уж со своими не подкачай». Моей эскадрилье отводилась на учениях главная роль, и я просиживал в штабе сутками. Если мы отработывали свои задачи на «отлично», то Гаврилову подписывали представление на звание полковника. Предыдущий командир еще в Афганистане дослужился до папахи, и там полк на радостях гудел целую неделю. Пухляк говорил, что выпили месячный запас спирта. «Да он приукрашивает, чтобы списать побольше», – возражали офицеры, хотя весомых аргументов против Пухляка у них не находилось. Здесь никто на какое-то пиршество не рассчитывал, однако нам хотелось, чтобы Гаврилов стал полковником. Это был для него, как заверял сидя у меня на кухне сам Гаврилов, последний шанс. Ветры перемен больше срывали папахи с голов, чем водружали их.

На учениях мы отработали по высшему классу, сказалась афганская подготовка. Лысоватый крепыш генерал Плешков, заместитель командующего авиацией округа, долго хлопал Гаврилова по плечу, молодежато выхаживал перед строем: «Вот это настоящая гвардия! Представление на полковника сегодня же отправим министру обороны!»

Вечером в штабе полка долго не гасли огни. Дольше всего светились окна кабинета Гаврилова. Жена мою радость восприняла весьма сдержанно:

– Ну, ему папаха, а тебе что? Вот разгонят полк, и останемся все у разбитого корыта. – Она Гаврилова недолюбливала, и каждый его приход к нам вызывал раздражение, которое она всячески пыталась скрыть.

– Ладно, не огорчайся. Твердо обещаю, что эту субботу полностью посвящаю тебе и детям...

Жена сомнительно покачала головой.

После вывода полка из Афганистана мне в штабе тыла округа вручили талончик на приобретение машины, чем вызвали бурную радость в семье. Требуемые за нее восемь с половиной тысяч рублей жена копила все те годы, которые я воевал. Как она умудрилась это сделать, мне до сих пор неизвестно. Новая машина вызвала у знакомых узбеков небывалый интерес. Торговец с чирчикского рынка говорил, что хоть завтра мне привезут тройную цену. «Брат, послушай Ибрагима, продавай, не пожалеешь, купишь на родине квартиру, мебель и еще такую же машину». Но жена даже слышать не хотела, дети тоже были на ее стороне. «Машина, вот она, а остальное на воде вилами писано». Вскоре началась денежная реформа. Все пошло с павловского обмена сторублевок. В банках очереди, суматоха, крики, слезы. Узбеки считали, что во всем виноваты русские, и делали они это специально. Свыше пяти тысяч меняли без проблем, а дальше требовалась уйма разных документов о доходах. Не доверявший банкам и прятавший деньги по разным загашникам, состоятельный народ взвыл от отчаяния. Как говорили офицеры, у некоторых на руках имелись такие суммы, которые нам и не снились. Офицерам разрешалось обменивать без ограничений. Наиболее предприимчивые стали предлагать услуги по обмену местным жителям, забыв о том, что сведения по всем денежным операциям контролировались, передавались вышестоящему командованию. Несколько наиболее рьяных оказались на скамье подсудимых.

Ибрагим через жену, которая постоянно покупала у него мясо, попросил о встрече со мной: «Брат, надо обменять на новые пятьдесят штук. Обменяешь, десять твои». Когда я отказался, он огорченно покачал головой: «Такой большой командир, а такой, извини, пожалуйста, дурак. Я никого не убивал, не грабил, вот этими руками все заработано, вот этими. Это меня сейчас хотят ограбить, понимаешь, меня. Эх, командир, командир».

Когда у моего заместителя по политической части майора Исламбекова появился довольно приличный «москвич», я понял, что Ибрагим все же деньги обменял. И это вызвало у меня хорошее настроение.

Теперь Исламбеков со своим семейством, превышающим по численности мое ровно вдвое, составлял мне и майору Парамыгину компанию по выходным дням. Он отменно знал здешние места, и каждый раз предлагал показать все новые и новые красоты узбекской земли. На этот раз мы собрались побывать на Красном водопаде. Зная мою страсть к рыбалке, Исламбеков словно невзначай добавил:

– Николай Никитич, а оттуда рыбачить... за форелью махнем.

Теперь мы ожидали, когда подъедут Парамыгины и Исламбековы. Они почему-то задерживались. Первым появился Исламбеков, но без машины:

– Звоню вам на домашний – в трубке молчание. Думаю, точно уже на улице ожидаете.

– А что стряслось?

– Отойдем в сторонку, Николай Никитич, здесь такое дело. В общем, жуткое чепе... – он замолчал, затем выдохнул: – Ерохин повесился.

– Как повесился?

– На веревке.

– Ясно, что не на тросе, как, где? – мои вопросы были, наверное, еще глупее, чем его предыдущий ответ.

– Прямо на сцене в клубе. Сержант-киномеханик зашел, а он висит. Что делать?

– Гаврилову доложили?

– Он вместе с Дубяйко в Ташкенте. Там какой-то юбилей. Громову доложили, он за Гаврилова. В прокуратуру сообщили, в штаб округа...

– Ну а в штаб-то зачем? Надо вначале во всем разобраться.

– Представитель прокуратуры уже на месте. Дежурный, бестолковый, с перепугу стал везде названивать.

– Да, теперь начнется свистопляска. Эх, Ерохин, Ерохин, куда так поспешил? – и я махнул жене рукой: – Надюша, даю отбой. Выгружай все обратно!

– А что стряслось?

– Как тебе сказать. Одним словом, выгружай, а затем сходи к Ерохиной Наталье.

– Беда, что ли, какая? Как скажешь, – и она окликнула детей, – Андрюшка, Машенька, будем все заносить в квартиру. Так папа сказал! – увидев, что дети были готовы вот-вот разрыдаться, добавила: – У него в полку неприятности. Слово «в полку» детьми воспринималось безоговорочно.

IV

Около темного кирпичного здания клуба уже собирались офицеры. Суетился Сорокин, пытаюсь с кем-нибудь поговорить. Подполковник Громов отдавал какие-то распоряжения.

– А, Лунянин, – он почему-то первым протянул мне руку, – нехорошо все как получилось, нехорошо, ведь офицер был не из последних. Думаю, в клубе надо прощание организовать. Парамыгин всем занимается.

– Он этим и в Кандагаре занимался, – согласился я.

– Недалеко ушло то время, а теперь вот и вовсе возвратилось, – и ругнулся.

Подошел Сорокин, потоптался, как-то виновато проговорил:

– Там бархат от занавеса остался, пускай им гроб обошьют. Наталья сказала, что хорошо будет здесь, в Чирчике, на православном кладбище.

– А причем здесь православное или неправославное? – хмыкнул Громов.

– Так она решила. Они ведь оба детдомовские. Куда везти, да и зачем?

– Может, она еще и попа заказала?

Сорокин пожал плечами:

– Вроде как самоубийц церковь не отпевает.

– Ты откуда знаешь? – удивился Громов.

– Знаю, – и Сорокин пошел сутулясь, как будто взвалив на плечи невидимый тяжелый груз, с которым теперь придется ему идти по жизни до самого конца.

– Что он знает, секретарь сраный, – ухмыльнулся Громов, – он еще не знает самого главного, только что получена бумага из Москвы. Ты даже не поверишь, что в ней прописано. Сообщаю в порядке конфиденциальности: партия приказала долго жить. Все то, о чем судили да рядили, свершилось одномоментно, армия становится беспартийной. Пока есть время, сходи, ознакомься, интересная бумага, очень интересная. Теперь Дубяйко очередь вешаться, не к слову будет сказано.

– Ты поосторожней, такие долго живут.

– Да, настоящего мужика, можно сказать, в петлю засунул. Вот, считай, что вместе с Ерохиным и партию хороним... Пойду в клуб, посмотрю, что там и как. Послушай, у Ерохина, помимо ордена, много медалей, надо бы все на атласных подушках разместить, знамя полка поставить. Ты как считаешь? Да, еще траурное фото около клуба и около подъезда. У него квартира на каком этаже?

– На втором, – ответил я, пересиливая бедовый комок, который сжимал клещами горло. – Я своей сказал, чтобы сходила к Ерохиной, мало ли что, да и сам пойду туда.

– Значит, у подъезда, – буднично продолжил Громов, – а насчет жены правильно. Остальных она и видеть не захочет. Сдали мужика ни за понюх табака. – Чувствовалось, что он в душе гордился тем, что не присутствовал на заседании партийной комиссии. Громов кивнул в сторону гор: – Ишь облака закурчавились, быть грозе.

– Гроза, как слеза, будь оно все неладно, я у себя дома.

– Ладно, – Громов кивнул головой, – шагай.

На полпути от штаба к ДОСам меня догнал запыхавшийся Сорокин:

– Николай, сумасшествие какое-то, не поверишь, позвонил Дубяйко, приказал, никаких похорон в клубе не устраивать, никаких почестей. Сказал, таково требование политуправы...

– Генерала Иванникова, что ли?

– Ну не знаю, скорее всего.

– Совсем оскотинимся, если послушаем, – не выдержал я, – и мертвому покоя не дадут.

Сорокин, словно не расслышав, продолжал:

– Там Громов за голову схватился, кричит, ему начхать на Дубяйко, он боевого офицера хоронит, а не просто какого-то пьянчужку, как это собирается выставить партийная братия.

Я знал, что Громов больше кричит для внешнего антуража. Он всегда сделает то, что ему прикажут, ни на шаг в сторону. «Да если бы я с начальством так, как тот же Ерохин, то и ходил бы, как и он, в капитанах, – пояснил Громов, – где много чести, там много и пакости. Жабя душит». С ним трудно было не согласиться. Вот и похороны он проведет по указке сверху так, как желает командование.

– Никитич, а насчет бумаги из Москвы, это правда? – Сорокин пошарил по карманам, извлек платок и привычным жестом вытер лицо.

– Не видел, Иван Петрович, не видел, да и особого желания видеть, что там сейчас из Москвы присылают, у меня нет. Хотя по нынешним временам ожидать можно чего угодно. Сегодня так, а завтра так. Какой президент, такая и политика.

Сорокин осторожно кивнул головой:

– Пожалуй, оно конечно... Быстро же нас предали, быстро!! Чувствовал, нутром чувствовал, что это будет, но не так скоро...

Мне не хотелось его слушать, и он понимал это, произнес то ли для оправдания, то ли для самоуспокоения:

– Наталья, наверное, меня проклинает, а что я мог поделать, что? Хоть ты сам... – он недоговорил, вдруг отчаянно махнул рукой и пошел, боясь оторвать взгляд от запыленного, в паутине трещин асфальта, уже горячего и мягкого.

Около подъезда, несмотря на удушающую жару, толпился народ. Завидев меня, некоторые поздоровались, некоторые отвернулись. И только теперь я понял, что это такое – видеть перед собой спины тех, кто еще вчера протягивал руку.

Над горами курчавилось, синело, набрякало чернотой грозное облако, обрамленное по краям седой бахромой.

Наталья, в черном платье и черном платке, сидела на стареньком диване, обняв детей. Диванчик был маленький, весь вытертый, купленный еще в ту далекую лейтенантскую бытность, когда любая такая покупка была настоящим событием для молодой семьи, и многократно отремонтированный Ерохиным. На предложение сослуживцев приобрести что-нибудь поновее, он смеялся: «Нам, детдомовским, не привыкать! – и добавлял: – Две красавицы растут, приданое надо. Будь хлопцы – в авиацию бы пошли, а эти... Поэтому, как Наташка говорит, копейка рубль бережет».

Увидев меня, Наталья горестно вздохнула, но не выдержала, поднялась, бросилась на грудь и заплакала. За ней начали плакать дочери. К ним добавились слезы моей жены, соседей. Из соседней комнатки вышел Парамыгин, вытер кулаком глаза:

– Как в такой тесноте гроб разместить? Конечно, лучше на улице, а оттуда на кладбище. Наталья же ни в какую, только здесь. А как его потом выносить, на лестничной площадке не развернуться. Я уж и так прикидывал и эдак. Скажу Полухину, чтобы подогнал кран, будем как-то через окно.

– Здесь Натальино слово последнее.

– Оно так, жена ведь, настоящая боевая подруга, – согласился Парамыгин, – в клубе было бы и проще, и... Да, сколько эти дураки еще глупостей да бед натворят.

Кого он имел в виду, говоря о дураках, для меня пояснять не требовалось.

Вскоре на командирском «уазике» подъехал Громов, вызвал на улицу:

– Такое дело, Никитич, там офицеры... Одним словом, начинается катавасия, требуют, чтобы гроб поставили в клубе. А как в клубе, как? Дубяйко категорически запретил. Да и Гаврилов на его стороне, хотя не поймешь, раньше был командир как командир, а теперь? Куда ветер, туда и... Одним словом, отвечать придется мне, когда начальство наедет, а оно наедет.

– Если офицеры требуют...

– Да там больше всего молодежь, лейтенантики, дери их душу... Кстати, зачинщики из твоей эскадрильи, да еще Пухляк – эта банка с томатом, ему-то чего неймется?

– Значит, хорошие генералы вырастут.

– Вырастут, если головы не поодкручивают. Надо же, весь полк вздыбили, басмачи проклятые.

– А ты не расстраивайся. Молодежь, она всегда не при наших делах, вспомни хотя бы свои лейтенантские.

– Мы не дыбились. Мы шли в ногу...

– Шли-шли и пришли, как ежики в тумане... Так что будем делать?

– Семенов говорит, что с этих желторотиков и спроса никакого, а вот с меня шкуру сдерут.

– Тогда звони Гаврилову с Дубяйко, объясни ситуацию.

– Там у них празднество. Сам понимаешь, как такие звонки воспринимаются, нарвусь на неприятность.

– Тогда напрямую, в штаб округа, генералу Плешкову. Пусть принимает решение, а я пойду к лейтенантам.

– Вот ты бы Плешкову и позвонил. Генерал тебя уважает больше, чем кого-либо. – И вдруг встрепенулся: – А к лейтенантам пойдешь из-за солидарности или все-таки уговоришь?

– Гвардия принципами не поступается. И правда, давай вначале выйду на командующего.

– А ты растешь, гвардии подполковник, растешь! Такие решения принимаешь!

– Да ну тебя!

Генерала Плешкова оперативный дежурный по штабу округа отыскал в местном санатории. Оказывается, там отмечался юбилейный день рождения у высокого узбекского товарища, на который были приглашены и Гаврилов с Дубяйко.

Через пару часов после моего звонка Плешкову все завертелось в обратном порядке. Сказался его авторитет. Перезвонил Гаврилов, обозвал меня нехорошими словами и сказал, что гроб с телом Ерохина разрешили поставить в клубе. Громов по секрету сообщил, что Плешков уже поднажал на военную прокуратуру так, что она дело срочно переквалифицировала из самоубийства в гибель на рабочем месте по неосторожности.

– Теперь семья будет пенсию получать, а то ведь без копейки могла остаться.

Наталья запротивилась, но ее уговорили, и она устало согласилась:

– Только после всего хочу в церкви отпевание провести. Он в душе православным был.

Громов замахал руками:

– Очумела, баба! Какая церковь?! Нам тогда кранты! Неужели непонятно?!

Но здесь лейтенанты Наталью поддержали, сказали, что если надо, гроб на плечах понесут до церкви. Договариваться со священником Громов послал Семенова. Тот вскоре вернулся, удручающе пожал плечами:

– Извините, прав Сорокин, самоубийца церковь не отпевает. Священник начал расспрашивать, крещеный ли был покойник, а я откуда знаю, крещеный он был или нет. Короче говоря, попал я впросак, да такой, что от стыда впору сгореть. Поп спрашивает, а сам я когда-нибудь бывал на церковной службе или хотя бы для успокоения души заходил в храм?

– И что?

– Да ничто! Вот о Боге вспоминаем в последнюю минуту. Одним словом, поп сказал: «Хороните так, как хоронили доселе». Нательный крестик мне дал, я машинально сунул в карман, он головой покачал. Что мне с этим крестиком делать, не на шею же его вешать?

– Но и в кармане не носят, – нахмурился Парамыгин, – да, покатила торба с великого горба... Значит, могилу звезда увенчаем? Несчастливой она для него оказалась.

На прощание с Ерохиным пришло столько людей, что полковой клуб не смог всех вместить.

Как только вынесли гроб, над военным городком прокатились мощные глухие раскаты. Даже дома вздрагивали от небесных залпов. Мгновенно поднявшийся ветер взвихрил легкую пыль, перевернул несколько урн. Над строевым плацем выхваченная из мусора закувыркалась, пролетела скомканная «Правда» и шмякнулась об угол клуба, прилепилась к нему, затем вырвалась оттуда, опять закружилась и с размаху влетела в аккуратно подстриженные кусты сирени, там и затаилась. Где-то послышался сильный хлопок, долетел звон разбитого стекла. Через мгновение сверху по городку полосонули косые струи. Узенькая улочка, вившаяся между железобетонными домами, наполнилась до краев и превратилась в кипящую кастрюлю, которую забыла снять с огня куда-то убежавшая по своим делам хозяйка. Гроб спешно занесли обратно, пережидали, пока уйдет гроза. Народ судачил, к чему бы это. Стремительные арыки с веселым клекотом тащили в реку мусор. Капало с крыш, с деревьев, с цветов на клумбах. По лицам стекали то ли капли, то ли слезы. Лейтенанты, для них это были первые в жизни похороны, отказались от подставки, на руках вынесли гроб и понесли на плечах до самого КПП. Заместитель начальника политотдела Баулов что-то суетливо нашептывал каждому на ухо. Нашептывание билось о молодые непроницаемые лица, как вода о бетонные желоба арыков.

На кладбище Наталья настояла: «На могилу поставьте крест!» Его заранее изготовили в ТЭЧ из нержавеющей стали, с аккуратной табличкой, где была вычеканена фамилия Ерохина и цифры, как счета за прожитое.

– Ведь прав Громов, обезумела женщина, – глядя на то, как старательно устанавливали крест лейтенанты, пробурчал Семенов, – или с крестом лучше? С крестом ведь раньше не хоронили. Все под звездами лежат, а с крестом, оно как?

– У лейтенантов спроси, чего у меня спрашиваешь?

– У них уже Баулов наспрашивался, послали подальше.

– Тогда не лезь.

Наталья рыдала, обняв крест, целовала его, пока женщины не увели к машине. Вместе с ними ушел и Семенов.

V

Смерть Ерохина, «гибель партии»... все наложилось одно на другое, и в этом, как говорил Парамыгин, прослеживалась мистика. Но дальше время начало склеивать из новой череды событий наше будущее в некоторое подобие чего-то целого, будущее непонятное, ни разу в жизни не обозначавшееся. Первым в этой череде стал звонок из политотдела с вопросом, буду ли я сдавать партийный билет или нет и куда девать мою учетную карточку.

– А если не заберу?

– Тогда в огонь, – вздохнула на том конце провода Елена Семеновна, инструктор по партийному учету. – Знаете, кто-то отказывается, кто-то забирает.

– Не понял?

– Ну, из командования, так почти все забрали, говорят, для потомков, другие для себя.

– Питают надежду?

– Смутное время. Кто какую надежду питает, меня не уведомляли, – по ее глухому, сдавленному голосу чувствовалась невероятная усталость человека, впервые в жизни занявшегося решением подобных вопросов. – Коммунисты из ТЭЧ, те все как один отказались, да и многие офицеры из вашей эскадрильи в том числе. Правда, спрашивали, как поступите вы.

– Не Парамыгин ли?

Она по своей старой привычке работника политотдела интуитивно ушла от ответа, оставив последнее слово за мной:

– А если не заберу?

– Тогда в огонь, – резко ответила она, – таково распоряжение политуправления.

– Знаете, пожалуй, зайду.

– Как считаете необходимым, Николай Никитич.

На втором этаже около кабинета Дубяйко толпились вчерашние секретари партийных организаций, партгруппорги, секретари ревизионных и других комиссий, так или иначе связанные с партийными структурами. Кто-то нервно потирал ладони, кто-то рассказывал забавный анекдот, кто-то, заложив руки за спину, молча уставился в окно и наблюдал, как солдаты снимали лозунг «Народ и партия – едины!», даже не успевший, как остальные, выгореть на солнце. Лозунг серединой завернулся, зацепился за ветки дерева, и «партия – еди...» никак не хотело поддаваться солдатам, которые неспешно дергали за парашютные фалы, служившие для лозунга растяжками. Вскоре кумач не выдержал и, разорвавшись между словами «партия» и «едины», сполз с дерева. Усатый прапорщик начал аккуратно сматывать ткань в рулончик. С другой стороны штаба шел демонтаж огромных портретов членов и кандидатов в политбюро ЦК КПСС, вывешенных в рамках из нержавеющей стали много лет назад и обновлявшихся с уходом одного члена Политбюро и приходом нового. В последнее время фотографии даже не успевали обновлять, и три последних рамы зияли пустотой.

Смотревший в окно капитан вдруг громко спросил:

– А в рамы теперь кого?

– Да хотя бы тебя!

Тот же капитан улыбнулся:

– Да нет, я к тому, что уж очень рамы хорошие.

Из дальнего угла послышалось:

– За эти рамы когда-то Мандровского чуть было из партии не исключили. До госпиталя довели.

– А, помню, какому-то проверяющему из штаба округа не понравилось, что краска на железе потрескалась, так за ночь старые срезали, а новые сварили и забетонировали.

– Кажется, в семьдесят восьмом или девятом.

– Девятом, перед самым нашим входом в Афганистан.

– Да, на эти рамы с нас деньги собирали. Ох и ругался народ!

– Он и сейчас не очень-то тихий. Слышали или нет, в ТЭЧ собираются суд чести над партбилетом устроить. Секретарь их, майор Конюхов, сейчас у Дубяйко, не иначе об этом разговор, вот и нас собрали, – пожилой майор, из тех, которые, казалось, были вечно в одной должности и постоянно избирались партийными секретарями в своих подразделениях, вздохнув, добавил: – Начало положено.

– Чему начало, ты о чем?

– Да о том же, что сначала судят партбилет...

Вдруг как по команде все разговоры стихли и офицеры уставились на майора:

– Иваныч, это как же так?

– Сходи в ТЭЧ, тогда поймешь!

– Дуреем, братцы, дуреем. Сам-то как считаешь?

– Нормально, время дураков сменяется временем идиотов.

Открылась дверь кабинета Дубяйко, оттуда высунулась голова Баулова, известного в офицерских кругах своим умением произносить застольные речи и здравицы:

– Товарищи, заходите, заходите! И побыстрее, время не терпит! – и сделал широкий жест, как будто приглашал на очередное застолье.

Увидев меня, он удивился:

– Разве вас?..

– Да нет, я мимо! – успокоил я Баулова.

В полку на каждом углу разговоры о предстоящем суде над партбилетом. В ТЭЧ готовились к нему основательно. Вызванный в политотдел Парамыгин на все вопросы Дубяйко, что это будет за судилище, односложно отвечал:

– Не судилище, а суд. Ну, нечто вроде спектакля из разряда художественной самодеятельности.

– Какая самодеятельность!! Парамыгин, вы что, не знаете, чем у вас подчиненные занимаются? Что за самодеятельность? Или вы уже не считаете себя начальником ТЭЧ. Если хотите, могу этому поспособствовать.

– Я же вам сказал, товарищ подполковник, они в свободное от службы время. А если вам интересно, так сходите и у них спросите.

– Вот как пташечка запела?

– Так и запела, кошечки-то уже нет, – усмехнулся Парамыгин, – лучше пташечкой петь, чем волком выть.

– Это кто у нас волк? Да я вас!.. Вот такие, как вы, партию угробили, а теперь и армию собираетесь угробить?! Да я!..

– Да я, я!! – вскипел Парамыгин. – Если на то пошло, так кто кого гробил, время покажет.

Суду над партбилетом состояться было не суждено. Огромная страна разваливалась на глазах, а вместе с ней и армия полезла по швам, словно офицерская шинель, которую стали тянуть в разные стороны. Кто за что ухватился: кто за полы, кто за рукава, кто за ворот, думая, что из отдельных лоскутков сошьется нечто приличное. И теперь сосед отгораживался от соседа, словно тот был самым заклятым и при этом давним врагом.

Парамыгин при встречах негодовал:

– Вот так запросто патриотизм перестройки перерос в национализм правящей верхушки, хуже того, в мафиозный национализм.

– Откуда такого добра нахватался?

– Лунянин, только слепой не видит. С их подачи наш СэСэСЭР превратили в общественный туалет для всех народов и наций, над которым вывесили красный флаг как сигнал кровавого поноса. Теперь стены нашего сортира украсят юмор и сатира...

– Как понять?

– Понимай, как хочешь, все вокруг такое... Юморнее не придумаешь. Покатилась торба...

И началось! Границы... Пограничные посты... Таможенные досмотры...

Народу стало не до юмора. Ездивший за дешевыми китайскими спортивными костюмами в приграничный кишлак, где базарная торговля разрасталась до невероятных размеров, Пухляк с обидой рассказывал, как перед мостом – а граница как раз проходила по реке – узбекские таможенники и пограничники облазили его машину всю снизу доверху. «Ты рус-

ский, у тебя деньги есть, будешь обратно ехать, уплатишь пошлину». – «Какую пошлину?» Смеются: «Какую назначим».

– И что?

– Уплатил, а куда денешься. Их там целая куча, и все рты раскрывают, как голодные галчата. Сказали, машину отберем!

– Так уж и машину?

Пухляк обиделся:

– Очень даже запросто. Съезди проверь.

Проверять никому не хотелось.

– Думаю, нас скоро попросят отсюда, – говорил я жене. Она с испугом и недоумением вопрошала:

– Как попросят? А кто же их защитит?

– Национальная гвардия.

– О да! Национальная гвардия будет плов с утра до ночи варить.

VI

Штаб Среднеазиатского военного округа как-то быстро стал Министерством обороны Узбекистана со своим министром, замами и всем тем, что необходимо для такой категории руководства. Вчерашние майоры, подполковники, имевшие узбекскую родословную, в спешном порядке возводились в полковники, генералы. И без того строгая пропускная система в штаб взвилась в своем усердии до непостижимых высот секретности, как будто узбекской армии предстояло решать задачи мирового значения. Сейчас и немедленно!

Издававшаяся на русском языке военная газета заскулила, заплясала, не зная, к какому берегу плыть. Офицеры с самого утра собирались в угловом кабинете подполковника Попова, спорили до хрипоты, как надо выживать в такой ситуации, поближе к обеду кабинет запирался изнутри на ключ, на столе появлялась пара бутылок водки, к ним нечто вроде закуски, из той, что не доели вчера. Попов протирали исписанными-исчерканными листами неудавшейся статьи стаканы, сам же и разливал водку:

– Я звонил вертолетчикам, Лунянину, спрашивал, много ли русских остается...

– И что? – уже протягивая руку к стакану, вопрошал майор Кожухов, которого больше интересовало то, чем они занимались сейчас, а не то, что предвиделось пусть и в недалекой, но перспективе.

– Многие.

Попов когда-то написал о Лунянине большой очерк. Познакомились они в Кандагаре, куда Попов через знакомого офицера в штабе округа сделал себе командировку. «Когда-нибудь мне это зачтется, – говорил он, – такая отметка в личном деле факт значимый». Не прогадал. Начальник политотдела вертолетного полка подполковник Дубяйко, узнав о планах журналиста по написанию книги, сказал, что лучшей кандидатуры, чем Лунянин, ему не найти.

– Вы понимаете, политический отдел таких офицеров держит под особым вниманием, они – наша гордость, – Дубяйко сделал многозначительную, так любимую им паузу, – думаю, вы понимаете, о чем речь. Это молодой, талантливый и весьма перспективный офицер.

По распоряжению командира полка Лунянин усадил Попова в вертолет и сделал пару кругов над аэродромом, при этом на дальнем приводе лихо симитировал атаку в пике, от чего Попова стошнило, и комок в горле долго не мог рассосаться даже тогда, когда газетчик уже стоял на земле. «Ну ты, старичок, и летаешь!!» – выдохнул он свое восхищение Лунянину. И впоследствии этот полет расписал как вылет на уничтожение душманской засады. Расписал в самых ярких тонах и красках, подчеркивая, что именно за такие вылеты и был награжден

Лунянин боевыми орденами. Растиражированный в газетах и журналах, даже вошедший в сборник, очерк принес Попову так давно ожидаемую им славу мастера пера. Дубяйко отправил в политуправление об очерке свое резюме, в котором высоко оценил талант журналиста: «Он показал через службу боевого офицера ту огромную важность партийного влияния на решение задач, которые поставила партия перед воинами-интернационалистами».

Политуправление признало Попова лучшим журналистом года, вручило диплом и премию. О чем жалел Попов, так о том, что премия не имела лауреатского знака, он был бы на груди очень кстати среди юбилейных медалей.

Сборник стоял в кабинете Попова на книжной полке особняком, на видном месте. Для журналистов рангом пониже, особенно из «дивизионок», книга доставалась со словами: «Вот, старичок, моя очередная работа. Но это промежуточный этап, в принципе, материала уже на целую книгу», – и при этом довольно улыбался.

Услышав от Попова очередную новость, Кожухов, один из первых кандидатов на сокращение, обрадовался:

– Ну вот, я же говорил, что без русского языка армия никуда. На «культур-мульти» далеко не уедешь. Значит, не пропадем!

Он вкусно, неспешно выпил теплую водку и долго держал у носа кусочек лепешки, раздумывая, у кого бы из сидевших рядом одолжить денег. Посматривал на Попова, Черкашина, Безьюрова, прикидывал, оценивал. «Попову и Черкашину уже задолжал порядочную сумму, а вот к Безьюрову можно подкатиться». Деньги нужны были позарез. Вчера опять оставил в игральном автомате все, что утаил от жены, вечно шнырившей по карманам. В последнее время не везло. Почти полмесяца – и проигрыш за проигрышем. Ведь вначале, как только открыли игровой зал, установили там привезенные из Гонконга игральные автоматы разной масти и разного калибра, все складывалось благополучно. Он даже разработал свою систему, которую считал беспроигрышной. Теперь система давала сбои.

– Безьюров, как у тебя насчет капитала?

Попов с Черкашиным понимающе переглянулись.

– Если по Марксу, здесь полный кругляк, если по гонорару, так мелочишка осталась. Ты никак хочешь еще сбегать?

– Нет, у меня дело житейское, к тебе потом зайду, расскажу все по порядку и буду очень благодарен, если выручишь...

Раздобревший после выпитой водки Безьюров, всегда хранивший записку в кабинете в толстом темно-синем томике «Капитала», махнул рукой:

– Заходи, как же без выручки, нынче я тебе, завтра ты мне.

Попов, зная о новых пристрастиях Кожухова, хохотнул:

– Завтра может и не быть, это уж точно по Марксу, – он взглянул на часы. – Допиваем – и брысь, у меня в номере материал, а я все кисну на первом абзаце.

Редактор на подобные застолья смотрел сквозь пальцы, мало веря в то, что какие-то предложения братьев по перу будут дельными и заслужат внимания. С месяц назад он забронировал за собой место в одном из центральных военных журналов и жил предстоящим отъездом в Москву. Его заместитель, плешивый подполковник Тишук, каждый день спешил в военное министерство в центре Ташкента, чтобы пропитаться атмосферой новых веяний, шнырял по редакциям узбекских газет, подыскивая там журналистов для газеты «иной формации», как он все чаще выражался на редакционных летучках.

– Начнем с того, что нам необходим вкладыш на узбекском языке, – убеждал он, – чем раньше, тем лучше! Иначе, если там замыслят свою газету, нам труба, полная труба!

Офицеры недовольно зудели по поводу тишукских замыслов, зная, чем это пахнет для каждого из них. Редактор понимающе качал головой, соглашался с Тишуком, а тот доказывал:

– Будет вкладыш, сохраним газету, сохраним коллектив. Пояснять не буду.

Тишук уже просчитал свои действия на несколько ходов вперед, зная, что место редактора, на которое он никогда и не помышлял, для него, отнюдь не блестящего журналиста, теперь само плыло в руки.

– А там куда кривая выведет, – говорил он жене, – гражданских ведь надо обучать нашему ремеслу, военного журналиста ведь растить надо. В этом узбеки ни бельмеса, ни гу-гу. Столько гражданских газет объездил, и, представь себе, ни одного желающего. Понятно, наше ремесло непростое. Здесь мне и карты в руки. Буду искать среди военных, кто маломальски может грамотно писать по-узбекски. На первых порах обзаведемся переводчиками.

Жена доставала из холодильника и с радостной улыбкой наливала ему в крохотную рюмочку коньяк:

– Получишь полковника, и мы отсюда... – она мечтательно закатывала глаза, – полковники, они в любой армии полковники. Да и пенсия... Наш-то, – она имела в виду редактора, – уже московские сны видит. Смотришь, и нам чего-нибудь да перепадет. Он с тобой как?

– Я для него главная рабсила. Сны? Сны пускай видит, – Тишук отдавал пустую рюмку, сыпал в рот щепотку изюма, медленно прожевывал, – сейчас полковника получить – раз плюнуть. Вот закиснет кое-кто!

Под этим «кое-кто» он подразумевал тех, с кем когда-то вместе выходил на журналистскую дорогу. Многие из них, куда талантливее, так и остались сидеть редакторами дивизионных газет. В лучшем случае прорвались в армейские, а редактором-полковником он из своего выпуска будет первым. Будет! Не Попов, который еще в курсантские годы смеялся с его замечаний, а он, Тишук. Кто такой Попов? Бегаёт, заискивает... Понимает, что ему ничего не светит. Говорил же, сделай к сборнику предисловие от полковника Иванникова – не сделал. Иванников? Иванников уже генерал. Хорошо, что не уговорил, самому теперь хуже было бы.

– Попов нам дорогу не перебежит? – словно читала его мысли жена.

– Кто, писатель? Вот пусть и «писает». Приезжают дружки, попьют с ним водочки и обратно, «писюки» несчастные, тьфу! – Тишук самодовольно распрямлял плечи, словно на них уже лежали долгожданные полковничьи погоны. – Нинуль, капни еще малость. – И держал наготове щепотку изюма.

На рынке, разливая кумыс, продавец деловито поправлял съезжавшую на тугой затылок тюбетейку и улыбался:

– Вот теперь у нас своя армия... Когда есть своя армия, мой сын будет в ней служить и станет большим начальником. Русские нам теперь не нужны!

Его крепкие руки привычно гоняли по доскам бурдюк и все так же ловко разливали в пиалушки хмельной напиток.

VII

Бывшие советские генералы один за другим отбывали в Москву, где Министерство Вооруженных Сил СССР уже понизило себя в должности до уровня рядового министерства Российской Федерации и превратилось в рассылочно-пересылочную базу для хлынувших в Россию генералов и офицеров. Воинские части, расположенные на территории Узбекистана, начали переходить под новые знамена.

На утреннем построении Гаврилов зачитал приказ о том, что их отдельный гвардейский вертолетный полк включен в состав военно-воздушных сил другого государства.

– Всем офицерам написать рапорта о своем желании продолжать службу в Узбекистане, это для переоформления личных дел. Если кто-то не желает, определяйтесь самостоятельно, но учтите: полк переходит на новое финансирование, кто замешкается с рапортом, может оказаться без денег.

– Вот тебе, бабушка, и Юрьев день, – и офицеры судачили, чертыхались, собираясь в курилке, главном информационном центре, как ее окрестил Парамыгин, деловито наполняли окурками зеленую урну, стараясь побольше узнать о том, есть ли возможность перебраться на родину, а если таковой нет, то хотя бы поближе к родным местам. Капитан Лобановский ехидничал:

- Господа офицеры, будут сборы недолги на Кубань да за Волгу?!
- Пора бросать клич: «Ищу родину!»
- Только не заплутать бы.

Без умолку трещали телефоны, куда-то отбивались телеграммы, писались письма к тем, кто имел хоть какой-то вес там, наверху, может, он протиснет в потоке просьб словечко за геройского майора или подполковника. Украинцы постоянно кучковались около командира второй эскадрильи подполковника Непийвода. Он уже несколько раз слетал в Киев и каждый раз возвращался с ворохом самых неожиданных новостей, но вполне обнадеживающих: «Хлопцы, ненько-Украина за нас, она никому пропасть не даст. А цэ, хто тут шось дюдюкае, господа пасынки, и тильки всего». И каждый раз все больше и больше разговаривал на украинском языке, чем немало удивлял Гаврилова, который после такого разговора с Непийводою тыкал пальцем в Громова:

– Скажи, а ты можешь вот так, как Непийвода, или просто распинаешься, что белорус! Ну-ка, дай нам что-нибудь эдакое «здоровэньки булы», покажи летный класс!

Громов отмахивался, но Гаврилов не отставал:

– Ну, скомандуй: «Равняйся, смирно!» или, скажем: «Стройся!» Не знаешь? Значит, тебе верная дорога в запас. Будешь минские улицы подметать, не ухмыляйся, брат, будешь, да еще как! Когда-то хрущевское сокращение заставило моего отца работу искать. И что, начал дворником, а затем вырос до начальника ЖЭСа. Кстати, тоже начальником штаба полка был, вот-вот! А Непийвода хоть завтра готов крикнуть: «Струнко!!!»

– Лучше минские, чем чирчикские, – огрызался Громов.

Забежавший ко мне в штаб эскадрильи Парамыгин хохотал:

– Слышал, Гаврилов тренирует Громова перед отправкой на родину. Что ж, тогда и метлу ему в руки!!! Меня больше волнует, куда настоящая гвардия нацелилась? Не секретись планы?

– Гвардия еще не определилась.

– И чего так?

– Да так, Минск молчит, Москва не чешется.

– Тогда сам кричи и чешись, а то правда, как Непийвода сказал, будешь ходить в вечных пасынках.

– А мы не шелудивые, чтобы чесаться.

– Ну-ну, какая же гвардия, да без гордости! – подтрунивал Парамыгин.

Сам же он никуда не собирался, не торопился, ни перед кем, к всеобщему удивлению, не заискивал и не юлил:

– У меня, кроме этого полка, ничего нет. Если что, так место рядом с Ерохиным всегда найдется. Ведь от моей большой родины даже пыли не осталось, а здесь за столько лет родни куда больше, чем там, где когда-то родился.

Вечером позвонили из Ташкента, сказали, что завтра меня в срочном порядке приглашает генерал Плешков. Слово «приглашает» в армейском лексиконе было абсолютно новым.

– А ты говорил, что забыли, – обрадовалась жена. У нее молчание официального Минска на мой рапорт о переводе в какую-нибудь из вертолетных частей на любую должность родило до этого неведомую ей апатию, что меня крайне расстраивало. Теперь вот родилась надежда на какое-то будущее, и она сразу воспрянула духом.

Штаб военно-воздушных сил округа размещался в центре того Ташкента, который устоял под напором землетрясения. Уютный военный городок примостился под боком у корпусов огромного самолетостроительного завода, отделенного высокой кирпичной стеной. Городок меня всегда очаровывал плотной зеленью высоченных деревьев и журчанием арыков. В любую спеку здесь было прохладно. Сразу за общим контрольно-пропускным пунктом, уже который месяц пустовавшим, стояло низенькое зданье фотографии, где Файзула делал снимки на все виды документов, а заодно предлагал сфотографироваться в национальной узбекской одежде. Желаящего сразу же передевали в длинный полосатый халат, перевязывали поясом и на голову водружали огромную белоснежную чалму. Этим создавалось документальное подтверждение, что ты побывал в Ташкенте. Располневший, добродушный, с короткой седой бородкой, подчеркивавшей его особую обаятельность, после съемок Файзула прижимал руку к груди:

– Брат, даже если ты здесь в командировке, не волнуйся, снимки вышлем туда, куда скажешь. Вот бумага, пиши адрес.

И высылал. Когда Файзула обосновался здесь со своей, а точнее, с быткомбинатовской фотографией, не помнили даже старожилы городка.

– Мой отец здесь работал, – и Файзула каждому новому посетителю указывал на широкую полку, – видишь, брат, здесь все его аппараты. Таких сейчас нигде не найдешь. Даже американский есть.

Какой из них был американским, он не уточнял. Любопытному пояснял: «Зачем тебе этим голову забивать, брат. Если я сказал, есть, значит, есть».

Никто на Файзулу не обижался, он никого ни разу не подвел и не обманул ни на копейку. Снимки делал прелестные. «Смотри, брат, мне даже генералы позировали!» – это было его лучшим аргументом по поводу качества. С началом перестройки Файзула приватизировал фотографию вместе с двумя огромными клумбами: одна перед фотографией, другая позади нее. Эти клумбы были главной визитной карточкой всего военного городка авиаторов, как его еще называли в Ташкенте. Они радовали своей ухоженностью и обилием цветов с ранней весны до поздней осени. «Это не я, это все мой брат. Любит он такое дело», – не прельщался на чужую славу Файзула. Теперь на месте той клумбы, что находилась позади здания, шли строительные работы. Гудел кран, крутилась бетономешалка, деловито сновали строители. «Не иначе Файзула расширяется. Ох и ловок!» – выразил я невольное восхищение уважаемому мастеру.

Городок по сравнению с тем, каким я видел его несколько месяцев назад, основательно опустел. Полгода назад на его улочках было не разминуться от прогуливавшихся с колясками молодых женщин и пожилых супружеских пар, спешившей в школу или в плавательный бассейн детворы. Во время полуденного зноя его тенистые аллеи укрывали всех и вся, и после жарких городских площадей эта прохлада ощущалась особенно. По пути к штабу всегда можно было с кем-то повстречаться, поздороваться, сейчас я прошел, не встретив ни одного знакомого. Только перед внутренним КПП, за которым виднелись здания штаба, один из офицеров обрадованно крикнул:

– Ба, кого я вижу, а мне говорят, что давно уже где-то под Ленинградом или Минском. – Подполковник Саханчук из отдела боевой подготовки, говорливый, сноровистый офицер, которого знали во всех авиационных гарнизонах, крепко обнял меня, словно мы с ним только что уцелели после жуткой передраги. Саханчук был из офицеров, разрешавших себе в любую жару опрокинуть стакан спирта, и, как он сам говорил, «ни в одном глазу, потому как имею авиационный организм», но славился не этим, а тем, что отменно летал и крепко уважал рядовых летчиков. «За моей подписью судьба», – резюмировал он и выводил эту подпись в любом документе лишь тогда, когда во всем лично убеждался, зная, что не навредит. Офицеры шутили:

– Мы ему памятник поставим.

– Со «Стакан Стаканычем» или без? – вопрошал у шутников Саханчук.

– Без!!

– Тогда можно! И на самой высокой горе!!

Саханчук покрутил растопыренной ладонью:

– Сам видишь, разлетается народ, куда глаза глядят. А ты к нам или к ним? – он кивнул куда-то в сторону.

Распространяться на эту тему мне особо не хотелось:

– Плешков вызвал.

– Значит, к ним, теперь он там всем заправляет. Говорят, переругался с Москвой и остался без кислорода. Хотя на кислородном голодании сейчас, наверное, каждый второй из нас. Сам-то что решил?

– Да пока не определился. Может, что и прояснится в беседе с Плешковым.

– Как бы еще сильнее тумана не напустил, – хмыкнул Саханчук, – в случае чего забегай, мой кабинет в бывшем штабе тыла на первом этаже, найдешь. Кстати, есть наметки, хотя... – он недоговорил, – ты заходи, помни, я за тебя всегда буду горой.

– Постараюсь.

Авиационный штаб с развалом Союза также располовинился. В одних зданиях теперь размещался штаб авиации Узбекистана, в других – штаб тех частей, которые еще оставались под российским командованием.

Генерала Плешкова в кабинете не оказалось, и помощник дежурного с мятыми погонами капитана, потный и какой-то сонный, посмотрев на мое офицерское удостоверение, сказал, что его срочно вызвали в новое Министерство обороны.

– Товарищ подполковник, вы подождите, генерал обещал, что через час вернется. Здесь к нему еще несколько посетителей, – и он кивнул на сидевших в отдалении офицеров.

Но прошел час-другой ожидания, а генерал не появлялся.

– Если что, будь другом, пришли посыльного к Саханчуку, я у него, – предупредил я капитана, слабо веря в то, что мою просьбу кто-то исполнит.

– У русских, что ли? – круглолицый помощник дежурного рассмеялся.

– У русских, у русских, товарищ бывший советский, – подтвердил я догадку, и мы оба беспричинно и дружно захохотали: он по ту сторону толстого стеклянного барьера, я по эту. Ожидавшие Плешкова офицеры переглянулись.

Саханчук при моем появлении обрадованно спрятал в стол кучу бумаг: «Надоела эта канитель! Ты обедал? Нет? Тогда на плов!» – и мы по старой привычке вместо гарнизонной столовой, которая все так же исправно открывала двери перед посетителями из обоих штабов, объединяла их за общими столиками, пошли в жилую зону. Там, за гарнизонным офицерским клубом, в тени огромного тутовника обосновался торговец пловом. Все так же стоял на своей площадке на железной треноге громадный казан, закопченный, аппетитно пахнувший, обставленный от шаловливого ветра листьями железа, где в расщелинах еще плескался огонь, доедая остатки мелко нарубленного саксаула. С него уже была снята широченная крышка, и к многочисленным запахам потного, слегка пыльного, душного города добавился аромат отменного плова. Он витал, парил в воздухе, тек по закоулкам вокруг клуба и не просто разбавлял все предыдущие, а затмевал их.

К казану вилась очередь. Но недлинная. Саханчук облегченно вздохнул:

– Успели, а то пришлось бы париться. Давай ты за пловом, а я стану за чаем.

К плову здесь всегда заваривали отменный зеленый чай.

Раньше каждый отдел штаба высылал сюда офицера, чтобы он занял место, потому как очереди выстраивались такие, что у опоздавших не оставалось никаких шансов пообедать. Особенно, когда в них вставали с кастрюльками разных размеров местные домохо-

зайки. Зная возможности своего казана, повар деловито вытирал руки о белый фартук, снимал с желтой горы риса и выкладывал на разделочный стол духмяное, исходившее паром мясо, ловко нарезал на мелкие кусочки. Из-под быстро мелькавшего длинного ножа они выходили абсолютно одинаковые, и громко повторял:

– Дальше не становись! Дальше не становись!

Так было и десять лет назад, так оставалось и теперь. Время словно застыло над казаном. Только вкушавшая аромат очередь жиже. Заметно поубавилось женщин с кастрюльками. А плов и чай как будто стали еще вкуснее.

– Это оттого, что ты у нас редко бываешь, – съехидничал Саханчук, старательно вытирая прихваченными из офицерской столовой бумажными салфетками жирные губы, – выходит, позабыл вкус или помнишь?

За этим «помнишь» всплывали и дни рождения, и новые назначения, и обмывание боевых наград. Много чего было в наших офицерских судьбах за этим «помнишь».

Генерала Плешкова в тот день я так и не дождался. Дежурный по штабу только разводил руками, мол, если чего, вызовет повторно. Но повторно генерал меня уже не вызывал.

– Не обижайся, таких, как ты, сейчас не перечесть, – жена вздыхала, – лети в Минск, уж если там ничего, тогда...

Ни я, ни она не знали, что тогда.

VIII

Полковник Сиднев пьяно расплескивал коньяк и махал перед моим лицом пальцем:

– Приедешь в Москву, и там все обустроим. Говорю тебе как брат брату, не пропадешь. Я ведь тоже когда-то летал. Авиация такими кадрами не вправе разбрасываться. – Он проглотил коньяк, долго искал, чем закусить, пока я не подал дольку лимона. Он начал ее обчмокивать с видимым удовольствием, словно в этом теперь состоял смысл его жизни. – Вот Союз развалился, жалеешь? Жалей, жалей, а я нет. Ему уже давно пора развалиться, не сегодня, так завтра. Подох Союз, как шелудивая собака.

Он говорил так, словно сам присутствовал и ставил диагноз событию, заставившему исчезнуть с карты мира огромную страну. Я кивал головой, зная, что каждый прилетавший сейчас из Москвы то ли офицер, то ли генерал извлекал из себя стратега мирового масштаба. Уж чего-чего, а этого у москвичей не отнять.

В комнате для гостей, красиво обставленной в одной из пристроек к летной столовой, натужно гудел кондиционер, слегка играя кисеей занавесок. За окнами летной столовой чирчикского военного аэродрома полуденное июньское пекло шло на убыль, хотя днем оно чуть ли не плавало бетон взлетной полосы. Аэродром, позволявший себе в такие минуты расслабиться, чтобы не одуреть от зноя, уже оживал. Кто стойко переносил тяготы и лишения воинской службы, это дежурная смена. Устало лопатили невесомый, разогретый до печного блеска воздух радиолокационные антенны.

О том, что время расслабления истекло, говорил рокот двигателей спешивших куда-то КамАЗов. У транспортника, готовившегося к вылету на Москву, заботливо сновали техники. Этим транспортником улетал и полковник Сиднев, который целую неделю разбирался в личных делах офицеров, отказавшихся писать рапорта о переводе в узбекскую армию, а изъявивших желание служить России. Перед Сидневым в Ташкент уже прилетала группа офицеров из бывшего Министерства обороны СССР. Одни занимались складами с продовольствием, другие военным имуществом, третьи крутились около вооружения, четвертые морщили лбы около цистерн с горюче-смазочными материалами. Что-то грузилось в эшелоны, что-то в самолеты, что-то списывалось и текло на чирчикский или ташкентский рынки, а может, и куда подальше. Скорее всего, так оно и было, о чем судачили в полку офицеры, уставшие

от безделья и неизвестности. Полк переходил под узбекское знамя. Некоторые из офицеров-узбеков уже занимали в новом Министерстве обороны высокие посты, о чем раньше и не мечтали. Замполит эскадрильи майор Исламбеков вскоре получил в новой армии звание полковника и стал заместителем командующего армейской авиацией по воспитательной работе. В полку он появлялся часто, на черной «Волге», весь сосредоточенный, на каждый к нему вопрос с улыбкой. Мужик прямой, откровенный, он говорил, что полк в таком виде существовать не будет, а после реорганизации его разделят на отдельные эскадрильи с дислокацией в разных городах Узбекистана. Этим внес еще больший раздрай среди личного состава, Парамыгин жаловался, что его офицеры и вовсе перестали ходить на службу, посылая всех и вся подальше.

– Но если кто у нас останется, не пожалеет, – уверял бывших однополчан Исламбеков, – своих в обиду не дам.

«Горбачев тоже со всех трибун кормил народ перестройкой, о радужных перспективах соловьем заливался, а получилось, что все мы оказались, как в той пушкинской сказке, у разбитого корыта. Господа пасынки – ни больше ни меньше!» – злился Парамыгин.

В полку решили оставаться, кто уже корнями врос в узбекскую землю, а такие, как я, появившиеся на этой земле недавно, думали, чтобы поскорее уехать. Когда Сиднев ознакомился с моим личным делом, сразу завел разговор о том, что Москва для меня место обязательно подыщет. При этом намекнул, моя дальнейшая часть затронутой темы требует разговора тет-а-тет.

Тет-а-тет проходил в комнатухе, где за столом частенько сжививали все, от генерала до прапорщика. За ее широкими окнами шел большой дележ некогда огромной мощной армии. Дележ нахрапистый, наглый. И не один майор, глядя на все это, в душе кричал: «Ну почему я не полковник!», а полковник долго не мог успокоиться от мысли: «Ну почему я не генерал!» Только прапорщики не строили фантастических иллюзий, стараясь всем угодить так, чтобы и самим что-нибудь перепало. И перепало.

Прямо на складах теперь запросто можно было обзавестись всем – от спецавтомобиля, десантной резиновой лодки, современного оптического прицела для снайперской винтовки, карабина, обмундирования до ящиков с тушенкой, сгущенкой, галетами со складов энзэ. Кое-что уплывало и на рынки, и в «тьмутаракань», как говорил Парамыгин.

Майор Пухляк обогатился пущенным в распродажу спецавтомобилем для эвакуации раненых с поля боя и всей семьей каждое воскресенье ездил в горы на пикники или чирчакское водохранилище на рыбалку.

– Всем можно, а мне что, нельзя? Это когда бы я купил автомобиль? А здесь сам в руки пришел.

Начальник вещевого службы майор Биркун шутил:

– Так уж и сам. Знаем, знаем, все само через Москву идет.

– Да хотя бы и через нее.

Пухляк был главным действующим лицом по приему и обслуживанию многочисленных комиссий, которые от разных ведомств и управлений теперь слетались в Ташкент как саранча. Он спешно обзаводился связями и уже имел на выбор несколько предложений по новому месту службы. Но пока ни одно из них его не устраивало. Пухляк ожидал нечто такое, чтобы одним махом опередить всех своих бывших однокурсников по академии, которыми, по его словам, заткнули все дыры от Новосибирска до Владивостока.

– После распределения они надо мной смеялись. Вот и посмейтесь, паяцы! Как в народе говорят: «Смеется тот, кто смеется последним».

Когда Биркун особенно доставал Пухляка разными шуточками, тот хмурился:

– Слушай, Вован, у самого-то, небось, тоже рыльце в пушку, а все в праведники лезешь. Ты лучше скажи, за какие такие подштанники умудрился себе должность в Ленинграде добыть?

– Ну, хлопцы, еще и за чубы возьмитесь, – успокаивал Громов, который со дня на день уже должен был улететь в родную Белоруссию. Семью отправил и теперь дослуживал здесь последние недели. Пухляк с Биркуном втиснули ему в контейнер несколько тюков с обмундированием и ящиков с продовольствием для черного рынка, чем несказанно порадовали Громова: «Ну, хлопцы, будете в Минске, обязательно отблагодарю».

Громов кровно обещал, что как только уладит все свои дела, займется моим рапортом, который затерялся где-то в коридорах белорусского военного ведомства.

В дверь комнаты постучали, заглянул Пухляк:

– Товарищ полковник, как вы и просили, все в ящиках, ящики подписаны.

Сиднев небрежно махнул рукой:

– Спасибо, майор. Иди, присаживайся, тяпни со мной на дорожку, чтобы легкой была.

– Извините, товарищ полковник, еще дел невпроворот.

– Ты майор или не майор? – пьяно погрозил пальцем Сиднев – Ой, не отказывайся, а то ведь я приглашаю только один раз, другого может и не быть.

– Ну, если только понюхать, товарищ полковник.

– Можешь грамм на сто нюхнуть, на большее не рассчитывай. А то ишь какой гордый. Дела, видите ли, у него. Это сегодня ты гордый, – и Сиднев повторил с нажимом, – сегодня!

Он подождал, пока Пухляк не поставил опорожненную стопку, постучал ногой под столом:

– Вот теперь ты свободен. Да, скажи, коньяк сам доставал или он? – и Сиднев кивнул на меня.

Коньяк, конечно же, доставал Пухляк, но здесь майор слюбезничал:

– Никак нет, товарищ полковник, у комэска свои подвязки.

– Свои, так свои, разберемся! Заряжай, подполковник, а ты, майор, иди и достойно исполняй долг. Придумал же какой-то идиот такое слово – «долг», а если ни я, ни этот майор, ни ты, подполковник, никому ничего уже не должны, а?

Пухляк вытер платком мокрый лоб, ухмыльнулся:

– Так я пошел, товарищ полковник?

– Иди, иди!

Когда дверь за Пухляком аккуратно закрылась, он сытно икнул и выпил очередную рюмку.

– Вопрос поставлен ребром, подполковник, быть долгу или не быть, как у Шекспира. Дай-ка еще лимончик. Стервозная штучка, коньяк с лимоном. Или нет, постой, побалую себя виноградцем, вон тот, покрупнее.

Он опять сытно икнул.

Я подсунул к нему блюдо, он выбрал кисть поувесистее, толстыми пальцами аккуратно отрывал виноградинки, запихивал в рот, сжимал крепкие челюсти:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.